

Глава шестая

ВЕК ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ, ЖЕЛЕЗНЫЙ... 1854-1868 гг.

В 50-е годы XIX века журнал по-прежнему выходил как официальное издание Министерства Народного Просвещения. Его история продолжалась.

1

Первые двадцать три года жизни «Журнала Министерства Народного Просвещения» его редакцией заведовал писатель Константин Степанович Сербинович. Министр граф Уваров не ошибся, остановив выбор именно на нём. В свои 36 лет главный редактор был не только хорошо образован (он окончил Полоцкую иезуитскую академию), но проявил себя и человеком государственным, крепким, способным администратором. В 1826 году за труды в «Комиссии, учреждённой для изыскания о злоумышленных обществах», он был награждён орденом Владимира 4-й степени и назначен цензором Главного Цензурного Комитета. Известно, например, что летом 1827 года Сербиновича командировали в распоряжение Петербургского генерал-губернатора для какого-то секретного следствия в Петропавловской крепости. В расследовании Декабрьского восстания он, в частности, работал как переводчик польских бумаг.

Во все времена способных и работающих начальство норовит нагрузить дополнительными обязанностями. Вот и редактор крупнейшего журнала Константин Степанович в 1834 году назначается главой

Профессор К. Зеленецкий в своей речи о Пушкине (30 августа 1854 года) сказал, что предметом его беседы есть «простое указание на те из произведений Пушкина, которые имеют художественно-национальное значение», и что он считает «не лишним высказать предварительно несколько слов и замечаний о задаче Поэзии в отношении к жизни народа и к нравственному началу его национальности. Эти общие замечания сами собой приложатся к тем из сочинений Певца «Полтавы», которых содержание составляет Русская жизнь, чувства и быт Русского народа. Далее же мы будем говорить словами самого Поэта, тем более что вся наша задача состоит в том только, чтобы обратить внимание на его *национальное значение*.

Поэзия имеет более возвышенное и важное значение в жизни человека и даже в быту общественном, нежели как думают обыкновенно. Недаром Древние, коих творчески-художественный смысл угадал и постиг столь многое в жизни, в Искусстве и в Науке, чествовали Поэтов как любимцев Олимпийских небожителей. На светлой же заре своей образованности они считали Певцов-Поэтов прорицателями священных истин и облакали их в почётный сан жрецов. <...> Сколько истин, отрадных для сердца, преподали современному человечеству Шекспир и Гёте. Сколько благородно-одушевлённых, глубоко нравственных страниц находим мы у Шиллера и у наших Лириков. Причина этому заключается в том, что на долю Поэзии выпало одно из прекраснейших начал духовной жизни человека: это — эстетическое или изящное чувство. <...> изящное чувство носится в обаяниях фантазии. Фантазия устрояет для него особую сферу, населяет её образами, милыми сердцу, но сперва таинственными, и в этих образах воплощает для него его верования и любимые мечты. Тут зарождается творчество, которое сначала обуславливается только чувством и фантазией, а потом, в эпохе более созревшей народной образованности, и творческим умом.

В сфере изящного чувства, трепещущей биениями сердца и деятельной в игривых мечтах, пламенеет то, что

Комиссии для издания актов, собранных Археографической экспедицией. Сам государь повелевает командировать его в Киевскую губернию для разбора и приведения в порядок государственных бумаг, оставшихся после смерти действительного тайного советника Д.П. Трошинского — заметного государственного деятеля екатеринских и павловских времён. Вскоре после этого Сербинович становится главой Комитета для размещения возвратившихся из Германии русских учёных. Но и этого мало: в 1836 году его высочайше определяют директором канцелярии обер-прокурора святейшего синода с оставлением в должности заведующего журналом. Исполнял он и многие другие, далёкие от редакторских, государственные поручения, например, был членом Комиссии прошений. Прожил 77 лет и скончался в чине тайного советника (то есть штатского генерал-лейтенанта). Он — кавалер ордена Владимира трёх степеней, Александра Невского и ряда других.

Сербинович дружил с Карамзиным и оставил о нём интересные воспоминания, напечатанные в журнале «Русская старина» за 1874 год. В них проявились писательские таланты редактора. Перо мемуариста Сербиновича не обошло вниманием и ещё одну яркую личность — министра просвещения, адмирала, писателя и учёного-филолога Александра Семёновича Шишкова («Русская старина», 1899).

Вид города Севастополя. 1850 годы

Иначе, чем сердечными и трогательными, не назовёшь отношения Сербиновича с Гоголем.

2

Однако восстановим порядок повествования и вернёмся в конец 1853 года, к событиям Крымской войны — тяжёлой, закончившейся поражением, но ознаменованной подвигами адмиралов Нахимова,

С.М. Соловьёв

Корнилова, великого хирурга, великого педагога Пирогова и беспримерным героизмом тысяч солдат, офицеров, матросов. И отметим факт, по сути, банальный: журнал — не газета, Крымской войны он просто не замечает. Те же рубрики, та же тематика, что и в мирное время. «О сношениях Норманнов с Востоком», «О необходимости Наук для успеха искусств и ремёсел», «Дополнительные сведения о распоряжениях Петра Великого для обучения Русских Восточным языкам»,

«Памятник Жуковскому в селе Поречье», и даже, что не укладывается в воображении: ведь идёт война с Англией! — «Посещение Британского Музеума Ея Императорским Высочеством Великою Княгинею Марию Николаевною».

В 84-й части журнала за 1854 год наконец-то появляется долгожданное сообщение: «Перевод «Кавказского пленника» Пушкина на Чешский язык» и «Новое издание сочинений Пушкина» на родине. Возможно, мы ошибаемся, но раньше 1854 года имя Пушкина нам в журнале не попадалось.

И это похоже на анонс, поскольку уже в следующем номере напечатана 30-страничная «Речь, читанная на годичном акте Ришельевского Лицея, 30 Августа 1854 г., О ХУДОЖЕСТВЕННО-НАЦИОНАЛЬНОМ ЗНАЧЕНИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПУШКИНА».

В этом же номере журнала в связи со столетием Московского университета напечатаны статьи академика М.П. Погодина «Воспоминание о Ломоносове» и «Благодарное воспоминание о Иване Ивановиче Шувалове», которое написал великий историк Сергей Михайлович Соловьёв (1820–1879). Он был ректором этого университета в 1871–1877 годах, а его титанический труд «История России с древнейших времён», состоящий из 29 томов, актуален и востребован до сих пор.

3

В нашем журнале началось научное изучение наследия великого русского полководца — А.В. Суворова.

Откроем «Журнал Министерства Народного Просвещения» за 1856 год, часть 92, номер десятый, отдел VII. Постоянный автор журнала того времени, популярнейший русский писатель в будущем Григорий Петрович Данилевский напечатал здесь суворовские архивы, хранившиеся в семье боевого товарища и соратника полководца И.О. Куриса. С 1787 по 1795 год Курис вёл

священно для каждого, у кого есть родина и есть предки. *Это — национальность.* Национальность каждого народа, эта особенность его духовного образования, проявляется во всех началах и отраслях его деятельности, но ни в одной из них не таится она так глубоко и не обнаруживает себя в таких ярких чертах, как в изящном чувстве. Причина этому в том, что чувство этого рода, всего более отрешённое от условий внешности, хранит в себе и бережёт тончайшие движения души и сердца, в их целомудренной чистоте, во всей святости их национального характера. Потому-то национальность каждого народа всего прежде и полнее высказывается в произведениях его изящного чувства, то есть в его песнях, сказках и поэтических вымыслах.

Мы приводим здесь эти, казалось бы, общие рассуждения профессора лица только потому, что *всё это о Пушкине и всё это в нашем журнале* сказано впервые 150 лет тому назад.

И далее, говоря о Поэзии и думая при этом о герое своей статьи, Зеленецкий продолжает: «Она собирает круг близких сердцу у семейного очага и, как некий благодатный гений, стережёт непорочность души, ведёт её по отеческим полям и сёлам, указывает на родное небо, на озеро, принадлежавшее дедам, и на лес, разведённый отцом, ведёт на старинное кладбище, где починут тени предков, вводит под отчий кров, где дряхлый дед собирал внуков в одну семью у матерняго лона, приводит и в храм божий — обитель тёплой молитвы. <...> Жизнь Русская своеобразна, как и всякая другая, исторически-самобытная и коренная. Она так глубоко зарождена в своём народе и так горячо пламенеет в его сердцах, что не может не найти своего художественно-изящного выражения в образах и идеалах Поэзии. Ещё в Державине тепло и одушевлённо билось Русское сердце, но пора самобытного творчества при нём не настала для родной Музы нашей. Услуга Жуковского — в том, что он, как «гений чистой красоты», приблизил Русскую Поэзию к этой поре. Но только с явлением Пушкина настает эта пора во всей полноте и окончательности своего проявления».

Переходя затем к анализу творчества Пушкина, профессор только перечисляет произведения, взятые не из русской жизни: «К морю», «Демон», «Ангел», «Я пережил свои желанья», «Брожу ли я вдоль улиц шумных», «Последняя туча рассеянной бури», а также более крупные: «Моцарт и Сальери», «Каменный гость» и снисходительно констатирует, что «в них много глубокого изящества и окончательной художественности».

Зато другим, взятым из русской жизни, места отводится изрядно.

«В поэме «Руслан и Людмила» юношеская кисть поэта, пленившись чарами народных, полужызыческих веро-

ваний, пыталась воссоздать древне-Русский, сказочный мир. Тут муза Поэта лелеяла себя одними образами фантазии, цветистой и роскошно-игривой. Она отрешена была, однако ж, и от глубины чувства, и от теплоты душевной, и от творчески-поэтического вымысла. Следов действительной жизни в сказочном мире искать нельзя. Здесь, пожалуй, есть многое, что входит в обстановку народности и служит её наружной принадлежностью; но нет того, что составляет её душу, нет народного чувства нашего, для которого эпоха Южной, Киевской Руси слишком отдалена. Словом, здесь есть внешнее и притом давно минувшее и нет внутреннего, нет той национальности, которая темно и безразлично зарождается в прошедшем и всей полнотою сил созревает и проявляется в настоящем». Как видим, мнение профессора о «Руслане и Людмиле» очень сильно отличается от современной оценки этого творения.

Затем Зеленецкий продолжает: «Почти то же должно сказать и о четырёх Русских сказках Пушкина: «О царе Салтане», «О мёртвой царевне» «О золотом петухе» и «О рыбачке и рыбке», равно как и о народной драме «Русалка», в которой, впрочем, шутивая песня в княжеском терему:

Сватушка, сватушка,
Бестолковая сватушка!
По невесту ехали,
В огород заехали,
Пива бочку пролили,
Всю капусту полили».

Снисходительно порассуждав ещё немного, профессор заключает: «Все эти произведения относятся к позднейшей поре деятельности нашего Поэта, когда уже столь многое из нашей жизни было воссоздано им в поэтических образах; но — можно сказать — эти четыре сказки и опера были делом досуга и поэтической забавы среди творческих минут вдохновения».

Далее идёт анализ, скорее описание стихов «Телега жизни», «Дорожные жалобы», «Зимняя дорога», «Кавказ подо мною», «Череп», «Зима. Что делать нам в деревне» и других. Описано так просто, как ныне делает почти любой старшеклассник. И тут же вслед за этим Зеленецкий сменяет «гнев на милость» и мы читаем: «Из всех Пушкинских произведений небольшого объёма настоящую драгоценность составляют некоторые из его баллад. Это: «Пир Петра Великого, Утопленник, Гусар, Буря и Зимний вечер». Первая из них, имеющая историческое значение, в поэтическом свете представляет и могучего гения, преобразователя России, которым началась новая жизнь её, и этот юный городок, которому вскоре суждено было сделаться прекрас-

суворовскую канцелярию. Замечательный современный исследователь жизни и творчества Суворова Вячеслав Сергеевич Лопатин пишет об этой публикации: «Коротенькие письма Суворова самому Курису добавляли новые черты к портрету полководца, с трогательной заботливостью принимавшего участие в личной жизни

подчинённых. В 1793 году Екатерина II прислала Суворову георгиевский крест 3-й степени, который тот (по случаю торжественного мира с Турцией) должен был возложить на достойнейшего. Суворов выбрал Куриса и продиктовал ему наставление о том, каким должен быть человек в «достоинствах генеральских». «Выше всего, — говорилось в наставлении, — глазомер, то есть пользование положением места, — трудолюбие, бдение и постижение».

А.В. Никитенко

Г.П. Данилевский не остановился на выверенной публикации суворовских писем.

Он проанализировал их в журнале, затронув некоторые важные для сувороведения темы, например, отражение суворовского образа в русской поэзии. Вот Ермил Иванович Костров — поэт и адресат нескольких писем Суворова. Полководец нередко помогал бедствовавшему поэту материально и морально. Костров посвятил Суворову немало искренних стихов, прославляя победы нашего полководца:

...Герой наш мало спит:
Исполнен к Отечеству любви и к Богу веры,
Он скор, неутомим, предчувствует, предзрит,
Спокойно зиждет всё, сообразует меры,
Любим подвластными, их попечитель нужд,
Труды являет им, как некие забавы;
Корысти подлой чужд,
Ревнитель Россам славы...

Г.П. Данилевский в журнале очень метко прокомментировал эти стихи Кострова, увидев их самобытность: «самые странности мадригальной речи того времени в устах его получают оттенок, чуждый всего смешного и приторного».

В «Журнале Министерства Народного Просвещения» состоялись первые публикации многих писем А.В. Суворова. Мы гордимся тем, что это были письма «первого ряда» суворовского литературного наследия, письма ближайшим друзьям полководца,

с которыми он был особенно откровенен, — *Петру Ивановичу Турчанинову* и *Дмитрию Ивановичу Хвостову*, а также императрице *Екатерине Великой*, чья выдающаяся роль в судьбе Суворова представляется нам очевидной.

Суворов предпринимал отчаянные попытки вырваться из безделия, участвовать в послереволюционных европейских событиях. В подтексте просьбы — изменение внешней политики, желание начать боевые действия против революционной Франции. Просьба отпустить Суворова волонтером не была удовлетворена.

Не будем забывать и о публикаторе суворовских архивов в журнале, об одном из самых прославленных сотрудников Министерства народного просвещения и авторов нашего издания за всю его двухсотлетнюю историю. Григорий Петрович Данилевский родился в 1829 году в селе Даниловка под Харьковом в семье богатого малороссийского помещика. Ещё дед писателя прославился на всю округу, да так и остался в истории тем, что занимался искусственным разведением лесов в Харьковской губернии. Отец Григория Петровича умер рано, и будущий романист воспитывался матерью — способной пианисткой, интересовавшейся литературой и искусством. Григорию Данилевскому было двенадцать лет, когда он, уже получив изрядное домашнее образование, был принят в Московский дворянский институт (четвёртая гимназия). Ярко выраженное гуманитарное направление этого учебного заведения, в котором ценились и пестовались таланты, способствовало развитию литературных способностей будущего писателя. Там Данилевский изучал иностранные языки и первые свои стихи писал сразу по-французски и по-русски. Там, в дворянском институте, он увлёкся драматургией Шекспира, к которой обратится в студенческие годы. В 1846 году он с блеском окончил институт и поступил в Петербургский университет, на камеральное отделение юридического факультета. Кроме правовых дисциплин, Григорий Петрович основательно изучал экономические и естественные науки, но главными оставались литературные занятия. На четвёртом курсе университета Данилевский написал стихотворный перевод шекспировской хроники «Ричард III», который был впервые напечатан в «Библиотеке для чтения» в 1850 году. «Цимбелин», переведённый одновременно с хроникой, был напечатан в «Библиотеке для чтения» в 1851 году. Переводы были благосклонно замечены литературной общественностью.

Литература и история — этим двум музам Данилевский посвящал все свои способности. В 1850 он выпускается из университета и поступает на службу в Министерство народного просвещения, в котором как раз завершилась эпоха графа Уварова. Г.П. Данилевский отдал министерству семь лет, и в эти годы сформировался как самостоятельно мыслящий писатель и историк. По долгу службы он много ездил по разным губерниям, словно следуя советам Пушкина и Гоголя, которые рекомендовали писателям «проездиться по России». Повсюду писатель интересовался местными преданиями, памятниками старины, изучал этнографию

ной и великолепной столицей обширного царства. Здесь Пётр Великий у себя, дома, в своём новосозданном Петербурге. <...>

В царском доме пир весёлый:
Речь гостей хмельна, шумна,
И Нева стрельбой тяжёлой
Далеко потрясена. <...>

Затем идут без преувеличения восторженные комментарии к балладе «Утопленник», а также к «Гусару» и «Бесам». Профессор, видно, изрядно попутешествовал по российским дорогам и натерпелся всякого, а поэтому к его словам стоит прислушаться: «Баллада «Бесы»

есть, без сомнения, одно из лучших произведений нашей Поэзии. Всем, кто ночью, в метель и вьюгу, ездил по снежным равнинам Северной России, хотя бы между Тверью и Новым городом, знакома грусть, которую на душу одинокого путника наводят и заунывная песнь ямщика, и ровный бег его тройки под однозвучный колокольчик, и ель, и сосны по дороге, и небо, слившееся с воздухом в снежном тумане. Но когда понесёт метель и завоет вьюга, тогда робкое чувство, дружась с суеверным воображением, готово приписать эту тяготу душевной злобной потехе самих бесов. Оно пугается их и, теснясь в себе самом, ищет отогреться. Пришед же в себя и успокоившись, оно мечтает уже, что и различает бесов, и создаёт из них особый мир — фантастическое олицетворение разъярённых стихий Природы. Поэт постиг эту суеверную робость сердца, переселился в мир, созданный его мечтой, и в образе бесов, терзающих сердце путешественника завыванием вьюги и метелью, как нельзя полнее воссоздал впечатление действительности. При чтении этого стихотворения невольный трепет объёмлет душу. <...>

Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной тишине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне. <...>

Баллада «Зимний вечер», имеющая много открытого лиризма, отличается опять глубоко-эмоциональным, меланхолически-отрадным чувством. Это тихое раздумье, сквозь которое отраднo светит луч сердца, растворённого любовью и надеждой, составляет одну из нежнейших сторон Русского чувства». И он приводит почти всё стихотворение.

Профессор Зеленецкий, не вдаваясь в подробности, даёт высокую оценку «Повестям Белкина», «Пиковой даме», «Барышне-крестьянке», «Дубровскому» и «Летописи села Горюхина» (*именно летописи, а не истории*).

Он очень обстоятельно и с явным пиететом пересказывает содержание «Бориса Годунова», приводит в тексте множество великолепных отрывков. На это щедро отводятся пять страниц журнала. Тем, кто профессионально занимается Пушкиным, думается, было бы важно прочитать всю эту речь в Ришельёвском лицее.

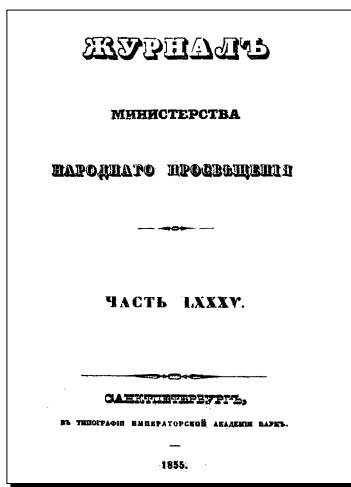
Затем профессор анализирует «Полтаву», в которой Пушкин «...во всех подробностях описываемой жизни и во всех цветах и оттенках поэтического колорита, обличает и время, и место действия — благорастворённую воздухом Малороссию», на шести журнальных страницах.

Зато Зеленецкий очень кратко отзывається о «Капитанской дочке»: «...исторический роман, который в художественном отношении есть, конечно, одно из совершеннейших произведений в своём роде, представляет живую картину временной смуты в Юго-Восточной России, в ту пору, которую отцы наши называли «Пугачёвщиной». Роман этот привлекает нас к себе множеством всякого рода подробностей Русской жизни ещё недавнего времени. Они рассеяны во всех главах его. <...> И в каком дивном, нравственном величии является в нём мудрейшая и прекраснейшая из Государынь, Царица Севера. Вообще должно согласиться, что Поэт воссоздал для нас эпоху Пугачёвщины с изумительной верностью».

Автор с видимым удовольствием заводит речь о «Евгении Онегине» с того, что Пушкин начал писать его, живя в Одессе. В этом романе «современный столичный и сельский быт нашего дворянства нашёл полное художественное выражение. <...> В нём быт этот, воссозданный в идеально-благородных очертаниях, эстетически-прекрасен

разных уголков Российской империи, историю исследовал не только по летописям и трактатам, но и по народным сказаниям, по молве. Впечатления от поездок, конечно, нашли своё отражение в его творчестве.

Данилевский активно посещает литературные салоны Москвы и Петербурга, заводит знакомства в литературных кругах. Писатели, журналисты, издатели, поклонники «изящной словесности»... Познакомился он и со своим литературным учителем — Николаем Васильевичем Гоголем. Встречи с Гоголем Данилевский не забывал никогда. Не раз Данилевский, подобно Погорельскому и Гоголю, обращался к украинской национальной культуре. В «Журнале Министерства Народного Просвещения» публиковались статьи Данилевского о жизни и творчестве поэта и философа XVIII века Г. Сковороды, феномен которого Данилевский начал исследовать одним из первых. Наибольшая активность Данилевского как автора нашего журнала пришлась на 1853—1856 годы, когда его авторитет в Министерстве народного просвещения укрепился и все творческие силы он посвящал просвещению. В 1857 году Данилевский оставил службу в Петербурге и возвратился на родину, под Харьков. Он всегда крепко любил Украину. Очень скоро, в том же 1857 году, Григорий Петрович женился на дочери местного помещика Ю. Замятиной. Он прочно осел в родных местах, много делал для Харьковщины. В период подготовки Крестьянской реформы на совете работал выборным от дворян в Комитете по улучшению быта крестьян. В это время он собирал материал о жизни крепостных, об их взаимоотношениях с помещиками — тема ключевая для русской литературы пятидесятих годов XIX века! Появляется рассказ Данилевского «Сорокопановка» (1859), очерк «Пенсильванцы и каролинцы» (1860). Смолodu ему не удалось утвердиться в литературе, но в зрелые годы Данилевский заработал репутацию одного из самых известных российских беллетристов. В 1862 и 1863 годах в журнале «Время», основанном и возглавляемом братьями Фёдором Михайловичем и Михаилом Михайловичем Достоевскими, были опубликованы романы Данилевского «Беглые в Новороссии» и «Воля» («Беглые воротились»), принесшие ему широкую литературную известность, даже славу. После Лажечникова и Загоскина русский читатель истосковался по захватывающим историческим романам, которые были бы «не хуже французских». Данилевский восполнял эти пробелы в русской беллетристике. В 1869 году он возвращается в Петербург, вспоминает свою министерскую службу, становится членом Совета по делам печати и редактором официальной газеты «Правительственный вестник». То были времена Д.А. Толстого и И.Д. Деянова. Григорий Петрович дослужился до чина тайного советника. В 1888—1889 годах пишет роман, в котором появляется и действует Александр Васильевич Суворов, — «Чёрный год» («Пугачёвщина»), не имевший популярности у советских издателей. Современному читателю наиболее известны его исторические романы «Мирович» (1879), «Княжна Тараканова» (1883) и «Сожжённая Москва» (1886). Умер Данилевский 6 декабря 1890 года в Петербурге. А похоронили тайного советника

и писателя в селе Пришиб Харьковской губернии, неподалёку от Даниловки. Вот и вся жизнь страстного, деятельного, многое познавшего человека, сотрудничавшего в нашем журнале и боготворившего Суворова.

Чем был Суворов для советской педагогики, красноречиво говорит сам факт существования суворовских училищ. Журнал «Народное образование» постоянно отслеживал успехи этих учебных заведений, которые стали настоящей кузницей кадров для нашей армии,

разведки, да и для педагогики. Ведь многие выпускники суворовских училищ потом возвращались в альма-матер в качестве учителей...

Гимном суворовцев остаётся песня композитора А. Новикова на стихи М. Левашова «Учил Суворов». Помните эти слова?

Учил Суворов в лихих боях
 Держать во славе Российский флаг.
 Отцом и братом Суворов был,
 Сухарь последний с бойцом делил..
 За честь Отчизны я постою,
 В ученье трудно — легко в бою.

Но в суворовских училищах, как и в их предтечах — кадетских корпусах, в почёте творческие способности. Среди суворовцев всегда находились свои таланты: композиторы и поэты, певцы и музыканты. И у каждого училища был свой марш, создаваемый преподавателями и юными суворовцами. В числе первых возникло и суворовское училище в городе Горьком. 23 февраля 1951 года корреспондент журнала «Народное образование» Н. Можаяев побывал в Горьковском суворовском училище на праздничной линейке. Там по традиции звучал «Марш суворовцев», написанный служившими в горьковском суворовском училище преподавателем музыки Аникиным (музыка) и преподавателем химии Мурашовым (стихи):

В годину боевую и суровую
 Отчизна нас под знамя созвала,
 И именем фельдмаршала Суворова
 Она наш юный корпус назвала.
 Надёжный щит страны,
 Гроза для злого врага,
 Мы Сталина сыны,
 Мы правнуки Суворова!

и заставляет ценить себя, дорожить собою и любить любовью сына материнские седины и родительский дом. Тут-то, в картинах этого быта, душа не возмущается ничем, сердце бьётся теплее, а успокаивающее чувство становится отраднее».

Совсем близко от Одессы в Крыму идёт война, и Зеленецкий привлекает Поэта к защите Отечества. «Наконец, и великие события современного царствования нашли звучный отголосок для себя в лире Поэта, которая вторила всему, чем в летописях человечества красуется и возвышается Отечество наше. Пушкин, как истый сын России и как представитель его народного духа, не мог не почувствовать славе своего Царя и Отечества. И лира его отзывалась дивными звуками. Когда Парижские «мутители палат» распалили бунт в Варшаве, он пел, вдохновенный величием и силою России, пел в ответ на их нарекания и пустословные угрозы:

Вы грозны на словах: попробуйте ж на деле!
 Иль старый богатырь, покойный на постели,
 Не в силах завинтить свой Измаильский штык?
 Иль Русского Царя уже бессильно слово?
 Иль нам с Европой спорить ново,
 Иль Русский от побед отвык?
 Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
 От Финских хладных скал до пламенной Колхиды,
 От потрясённого Кремля
 До стен недвижного Китая,
 Стальной щетиною сверкая,
 Не встанет Русская земля?

Пушкин пел и падение Варшавы, эту славную годовщину Бородина, — и сколько возвышенных мыслей, сколько благородно-патриотических чувств высказано им по этому поводу.

Таким образом, в лице Пушкина имеем мы в полном и высоком смысле национального Поэта, произведения которого столь же дороги Русскому сердцу, как животворный огонь родного очага. <...> И Великий Монарх, Отец Отечества, провидел это значение Пушкина как Писателя, который дорог Русскому сердцу, и призрел Поэта и его семейство у Своего престола, — у того святодержавного Престола, у коего Отечественная образованность и просвещение находят твёрдое и надёжное убежище для себя».

Гремел марш суворовцев. И несомненной была преемственность с традициями великого полководца, с его учением. На примере его жизни воспитывались офицеры советской армии. Как и Пушкин, Суворов стал одним из символов нашей культуры.

3

К.Д. Ушинский

Журнал традиционно предоставляет страницы весьма именитым персонам своего времени. Например, в 86-й части есть статья «Введение в педагогику» профессора Киевского университета, автора первого в России философского словаря «Философский лексикон» Сильвестра Сильвестровича Гогоцкого (1813–1889); помещены статьи об академике Андрее Михайловиче Шёгрёне (1794–1855), создателе, кроме прочего, первой осетинской грамматики, а также об авторе «Истории германского государства и права» академике Карле Фридрихе Эйхгорне (1781–1854).

В рубрике «Разные Известия» напечатаны «Траурный акт в Императорском Дерптском Университете по случаю кончины в Бозе почившего Государя Императора Николая Павловича» и «Дань Императорского Русского Географического Общества памяти в Бозе почившего...». В этой же рубрике помещён и «Некролог» на 24 полосах.

А за 8 дней до своей смерти император подписал «Высочайшие Повеления о пожертвованиях по случаю настоящей войны, сделанных по ведомству Министерства народного просвещения».

«Чиновники, преподаватели, воспитанники, воспитанницы учебных заведений Министерства Народного Просвещения, движимые чувством <...> пожертвовали в пользу раненых и семейств убитых воинов 14 195 р. 16 к. сер.». И кроме этого в докладе государю сообщается и о других личных пожертвованиях и патриотических поступках. На что император «Всемиловитейше соизволил на принятие означенных пожертвований и с объявлением жертвователям и другим лицам благодарности за их пожертвования и усердие, как изъяснено в прилагаемой подробной ведомости». Эта ведомость занимает 13 страниц журнала.

В следующем номере видим печальное сообщение: «Отпевание тела Графа С.С. Уварова и панихида о упокоении души его», а также «Очерк жизни и трудов Князя Платона Александровича Ширинского-Шихматова», тоже бывшего министра просвещения, умершего в 1853 году при исполнении служебных обязанностей. Заменил его на этом посту Авраам Сергеевич Норов, герой Бородина. Он много писал в стихах и прозе, был известным учёным-филологом.

Кресло и неумолимое цензорское перо главного редактора от Сербиновича перешло в 1856 году к действительному статскому советнику (соответствовало генерал-майору) Александру Васильевичу Никитенко (1804–1877). Его биография — убедительное доказательство того, что, несмотря на словесную систему образования, талантливые и одарённые дети крепостных оказывались замеченными и получали университетские дипломы и профессорские кафедры.

Отец Саши был малороссийским крепостным графа Н.П. Шереметева, знал грамоту и умел объясняться по-французски. Сына воспитывал сурово, считая, что «пожалеешь розгу — испортишь ребёнка». Саша вспоминал, что ласкового слова от отца он почти не слышал. В 1818 году он первым учеником оканчивает трёхклассное Воронежское уездное училище, но, как крепостному, доступ в гимназию ему был заказан. Однако пятнадцатилетний грамотей добивается возможности учительствовать в семьях купцов и чиновников в уездном Острогожске. Он был крайне самолюбив и не скрывал стремления руководить другими. Через четыре года он замечен самим предводителем дворянства В.И. Астафьевым и становится его секретарём по вопросам Библейского сотоварищества. Александр активен на этом поприще, глубоко изучает Библию и удостоивается чести выступить с речью на первом заседании общества, которое вёл министр просвещения князь А.Н. Голицын. Это выступление

было замечено князем и при его поддержке, а также участии К.Ф. Рыльева, А.М. Муравьёва и Е.П. Оболенского Никитенко в октябре 1824 года получает «вольную», а в 1825 году по протекции князя Голицына поступает вольнослушателем, а потом и студентом философско-юридического факультета Петербургского университета.

В Петербурге он поселился на квартире у Оболенского, на жизнь зарабатывает репетиторством. Сближается с К.Ф. Рылевым, Ф.Н. Глинкой, Я.И. Ростовцевым. Сочувствует «отважным умам», сам считает крепостное право злом, однако попытку своих новых друзей «одним махом решить вековые злобы» не одобрил и не поддержал.

В мае 1827 года Никитенко познакомился с Анной Керн, в доме которой он встречался и с Пушкиным. Увлёкся ею, но наметившемуся было роману она всё же предпочла старую дружбу с Поэтом.

В 1830 году он допущен к чтению курса лекций по политической экономии в Петербургском университете и одновременно русской словесности в Смольном институте благородных девиц. Его продвижение по «университетской лестнице» весьма стремительно: в 1832 году он адъюнкт-профессор, в 1834-м — экстраординарный профессор, а с 1850 и до 1864 года — профессор самого respectable университета России. Он много и не только в университете преподаёт, а также инспектирует учебные заведения С.-Петербургского округа. Его лекции весьма популярны. Студенты почитают красноречивого, глубоко знающего предмет бывшего крестьянина, добившегося всего своим трудом.

В 1833 году он был замечен графом Уваровым и назначен цензором. Известны его конфликты с Пушкиным, в частности, при подготовке к публикации поэмы «Анжели». Однако хотелось бы воздать и должное цензору Никитенко: это он в 1842 году одобрил к печатанию «Мёртвые души» Гоголя, изменив, правда, название на «Похождения Чичикова, или Мёртвые души». Сам же цензор сравнивал исполнение своих обязанностей с хождением по лезвию бритвы. От себя добавим, что Николаю Васильевичу дважды повезло в жизни с цензорами: его «зарубленного» цензурой «Ревизора» к постановке в 1836 году разрешил сам император, а «Мёртвые души» с риском для карьеры — наш герой Александр Никитенко.

Авторитет его в литературных кругах весьма высок и неслучайно он много лет в 30-е и 40-е годы был цензором «Отечественных записок», когда там печатались М.Ю. Лермонтов, В.Ф. Одоевский, А.В. Кольцов, В.Г. Белинский. Через десять лет после Пушкина Никитенко на два года становится официальным главным редактором «Современника».

В конце 1853 года новый министр просвещения Авраам Сергеевич Норов привлекает Александра Васильевича для исполнения особых поручений, и ему приходится делать за министра самую трудную и ответственную часть работы. С 1856 года он на четыре года становится заведующим «Журналом Министерства Народного Просвещения», и надо воздать ему должное за то, что руководство им он передал Константину Ушинскому, а сам вскоре стал главным редактором правительственного официоза — газеты «Северная почта». Министр внутренних дел П.А. Валуев предназначал её «служить руководительницею русского общественного мнения».

Видимо, крестьянская закваска оказалась основой трезвого и практического склада ума Никитенко, его, как бы сейчас сказали, прагматизма, утверждения приоритета реальной деятельности и отвержения пассивного или фатального восприятия жизни. И кроме этого он, как глубоко религиозный человек, в принятии решений руководствовался не только здравым смыслом, но и высшими понятиями и убеждениями.

В истории России тайный советник А.В. Никитенко остался как выдающийся литературный критик, историк литературы, академик Петербургской АН. Многие его труды, в частности знаменитые «Дневники», которые он вёл с 13 лет почти без перерыва, востребованы и сейчас.

Итак, мы вступаем с новым главным редактором в новый период российской истории. Окончилась в 1856 году бесславным Парижским миром Крымская война. Потрясённая страна оказалась на пороге «Эпохи Великих реформ», начавшейся через пять лет.

Журнал стал постепенно изменяться и по содержанию, и по вёрстке, и даже по качеству бумаги. Мы видим в 92 части (напомним: так назывались тогда выпуски журнала) за 1856 год знаменитую статью попечителя Одесского учебного округа Николая Ивановича Пирогова (1810–1881) «Вопросы жизни», в которой великий врач выступает как выдающийся педагог со своим мировоззрением и твёрдыми убеждениями в необходимости серьёзнейшей модернизации российской системы просвещения. Пересказывать статью бессмысленно. Думаем, её стоит опубликовать в первоизданном виде в одном из номеров «Народного образования».

Основоположник мировой военно-полевой хирургии, Н.И. Пирогов родился в Москве, в семье военного чиновника. Четырнадцать лет он поступает в Московский медицинский институт, в 1828 году оканчивает его и продолжает образование за рубежом. В возрасте 26 лет Пирогов получил звание профессора и возглавил хирургическую клинику в Дерптском университете. Через пять лет (в 1841 г.) Пирогов был приглашён в Петербургскую медико-хирургическую академию, где и прослужил почти пятнадцать лет (1841–1856 гг.) до своей отставки. Здесь он создал первый в России анатомический институт, здесь плодотворно работал в годы Крымской войны, здесь 16 октября 1846 года провёл первую в мире большую хирургическую операцию под общим эфирным наркозом. Это было событие первостепенного масштаба в истории мировой медицины. Пирогов сделал всё для того, чтобы эфирный наркоз вошёл в практику русских госпиталей. В 1847 году Николай Иванович отбыл на Кавказ, на войну, чтобы использовать своё открытие в боевых условиях. Жизнь Пирогова можно описывать бесконечно, но и один этот факт красноречиво говорит о нашем великом авторе.

4

В этом же номере журнала — статьи К.Я. Тимофеева «Генрих Песталоцци» и известного нашему современному журналу организатора и администратора просвещения Я.М. Неверова «Царствование Императора Николая I в отношении к просвещению России вообще и Кавказского края в особенности». «Изюминка» номера — первое упоминание о 22-летнем Д.И. Менделееве: «Публичное защищённое диссертации на степень магистра старшим учителем Менделеевым».

В 95-й части журнала обнаруживаем ещё одну статью вышеупомянутого Тимофеева «Воспитание и воспитатели», а также несколько высочайших повелений, касающихся образования евреев: «Об открытии в г. Керчи казённого Еврейского училища 1-го разряда», «Штат Варшавского раввинского училища» и «О порядке избрания раввинов», «Об объявлении высочайшей благодарности раввину Гурлянду. Часть 120».

Хотелось бы обратить внимание на статью академика Я.К. Грота в 98-й части 1858 года: «В каких изданиях наша литература особенно нуждается?». А кто сейчас способен взять на себя смелость и написать подобную статью-призыв?

В этом же номере помещён Отчёт министерства за 1857 год с резолюцией императора: «*Искренно благодарю бывшего министра народного просвещения за благие и чистые его намерения. Да поможет Бог его преемнику вести важную сию отрасль государственного управления к истинной пользе России*». Итак, преемником Норова стал Евграф Петрович Ковалевский — учёный-этнограф. Он был первым министром, назначенным Александром II после вступления на престол, и направление, данное Ковалевским своему ведомству, гармонировало с эпохой великих реформ. Кроме того, именно Ковалевский в мае 1860 года пригласил заведовать журналом К.Д. Ушинского.

В следующих номерах немало статей посвящено образованию детей горских племён Кавказа, проектам уставов горских школ, их штатам и тому подобное. Не забыты и победители. Читаем: «Об учреждении штатов Новочеркасской гимназии и окружных училищ Войска Донского». Любопытная информация — в материале «Посещение Шамилём Калужской гимназии».

Константин Дмитриевич Ушинский весьма существенно поменял курс журнала. Отделом первым стала рубрика «Педагогика и дидактика», и мы видим в ней его статьи «О нравственном элементе

в русском воспитании», «Ответ на рецензию г-на Толля», статьи Юлиа Рехневского, будущего главного редактора, — «Очерк истории народных школ в Германии», «О приёме учеников в приходские училища» Алексея Весского, «О проекте устава низших и средних училищ» Михаила Носкова и прочее. Отдел второй — это рубрика «Науки вспомогательные». Находим в ней «Материализм и задачи философии» известного отечественного религиозного философа Памфила Даниловича Юркевича (1826–1874) и переводную статью «Гегель и его время», а в отделе третьем «Критика и библиография» — «Руководство к Педагогике Шерра», «Систематический Указатель книг и журналов, изданных в России в первом полугодии 1860 года» и многое другое.

Но не всё было безмятежно на горизонте журнала. Самодержавие есть самодержавие, и регламентация жизни порой доходила до комизма. Чего только стоят опубликованные в журнале Высочайшие повеления, то есть документы, подписанные царём: «О дозволении поместить в актовом зале Ларинской гимназии портрет покойного директора оной Фишера», «О дозволении действительным статским советникам Витте и Медлеру носить пожалованные им иностранные ордена», «О дозволении поставить в одной из зал Казанской 1-й гимназии портреты нынешних: министра народного просвещения и попечителя Казанского учебного округа», «О прекращении на 8 месяцев издания журналов «Современник» и «Русское Слово». И наконец, «Временные правила книгопечатания» — они интересны от первой до последней строки, но приведём лишь небольшой отрывок: «Во всех вообще произведениях печати не допускать нарушения должного уважения к учению и обрядам христианских исповеданий, охранять неприкосновенность Верховной власти и её атрибутов, уважение к Особам Царствующего дома, непоколебимость основных законов, народную нравственность, честь и домашнюю жизнь каждого». «Не допускать к печати статьи: а) в которых возбуждается неприязнь и ненависть одного сословия к другому, и б) в которых заключаются оскорбительные насмешки над целыми сословиями или должностями государственной и общественной службы». «Не допускать к печати сочинений и статей, излагающих вредные учения социализма и коммунизма, клонящихся к потрясению или ниспровержению существующего порядка и к водворению анархии».

Подчас, хочешь, как лучше, а получается совсем наоборот (это об Александре II).

...4 апреля 1866 года, дворянин и ишутинец Дмитрий Каракозов специально приезжает в столицу, неудачно стреляет около Летнего сада в императора Александра II и погибает на виселице. Правительство через полтора года реагирует очень своеобразно: 13 октября 1867 года выходит Высочайшее повеление «Об учреждении в одной из Харьковских гимназий и затем по медицинскому факультету Харьковского университета двух стипендий в ознаменование памяти спасения драгоценной жизни Государа Императора 4-го апреля 1866 года».

4

В 1862 году Ушинский печатает в журнале «БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ» вышедших в России в 1859, 1860 и 1861 годах книг и статей по части ПЕДАГОГИКИ». Указатель занимает 160 страниц и содержит 1837 позиций в 27 рубриках. Гигантский, но такой нужный учительству труд!

Это был последний год работы великого педагога Константина Дмитриевича Ушинского (1824–1871) в журнале. Всего три года работы, а так много сделано! В следующей главе мы подробнее расскажем о работе К.Д. Ушинского-редактора.

Редакторское кресло после великого педагога занял Юлий Семёнович Рехневский (1824–1887), и, надо воздать ему должное, курс Ушинского он не поменял и остался ему верен. Хотя журнал снова становился более просветительским, нежели педагогическим, к идеям Ушинского здесь продолжали относиться с уважением. Например, в 1864 году опубликована информация о замечательной работе Ушинского «Родное Слово». Скажем здесь доброе слово и о министре просвещения тех лет Александре Васильевиче Головнине (1821–1886), который сумел значительно

поднять авторитет министерства и почти удвоить его бюджет. К счастью, он поддержал все преобразования, сделанные Ушинским.

В 1866 году журнал опять публикует «БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ книг и статей, относящихся до народного просвещения вообще и воспитания в России в особенности, вышедших в 1865 году». Но в этом Указателе (160 страниц) есть ещё и Азбучный указатель имён авторов на 12 страницах, среди которых: Бредихин, Буслаев, Бутлеров, Белинский, Греч, Грот, Даль, Чарлз Дарвин, Добролюбов, Загоскин, Забелин, Лавров, Менделеев, Некрасов, Пирогов, Писарев, Потехина, Проккопович-Антонский, Пушкин, Соловьёв, Срезневский, Уваров, Ушинский, Шевырёв, Экземплярский и Языков.

В этом же году происходит смена в руководстве как министерства, так и нашего журнала. Министром почти на 15 лет становится граф Дмитрий Андреевич Толстой (1823—1889), а главным редактором (с 1867 года) Александр Иванович Георгиевский (ум. 1911). Отметим, что именно его фамилия как редактора, ответственного за журнал, впервые печатается на последней странице. На предпоследней же странице можно ознакомиться с объявлением об издании в 1868 году педагогического журнала «Детский сад». Цель журнала — улучшение семейного и общественного воспитания маленьких детей.

В 140-й части журнала за 1868 год ощущается присутствие Ушинского. В ней особенно интересны такие статьи: «Русская азбука, или руководство для обучения детей сразу читать и писать, начиная с 6-летнего возраста», «Первые уроки русской грамоты. Букварь и первоначальное чтение», «К вопросу о малоуспешных учениках наших гимназий», «Что замедляет в гимназиях успех языкоизучения», «Руководство к обучению грамоте по звуковой методе барона И.А. Корфа», «Дар слова и Опыт дидактического руководства к преподаванию русского языка 9—11-летним детям».

Завершает этот номер рубрика «Современная летопись»:

**«ПИСЬМО Г. МИНИСТРА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ НА ИМЯ Г. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
СЛАВЯНСКОГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА В МОСКВЕ, М.П. ПОГОДИНА**

Милостивый государь,
Михаил Петрович!

Глубоко сочувствуя неутомимой и плодотворной деятельности состоящего в Москве под председательством вашего превосходительства Славянского Благотворительного Комитета и желая оказать возможное посредством Министерства народного просвещения содействие к успешному достижению преследуемой Комитетом цели — материальному и нравственному возрождению единоплеменных и единоверных нам австрийских и турецких Славян — я нашёл возможным назначить на сей предмет из отпускаемой в распоряжение моё суммы тысяч рублёй, которые в непродолжительном времени будут переведены на имя вашего превосходительства.

Сообщая о сем вам, милостивый государь, покорнейше прошу принять уверение в совершенном моём почтении и преданности.

ГРАФ **ДМИТРИЙ ТОЛСТОЙ**.

До русско-турецкой войны за освобождение Болгарии оставалось 9 лет, и на Шипке всё было тогда спокойно...